
ПОНЯТЬ ЧЕЛОВЕКА

Е.В. Глинчикова

СОБЫТИЕ: ПОТЕРЯ И ВОЗВРАЩЕНИЕ

Аннотация. Предметом исследования является понятие события в философии постмодерна и в неклассической антропологии. Объектом исследования является смысл событийного действия. Автор подробно останавливается на рассмотрении различных аспектов понимания события в современном мире и в традиционном обществе, обращается к теме кенозиса как смерти субъекта пред лицом событийного предстояния, подробно описывает черты событийной чрезмерности и событийной нехватки современного мира, обращается к структурному различию между фактом и событием, описывает положение истины в условиях главенства фактичности над событийностью. В качестве метода автор использует структурный анализ, психоанализ и синтетическое восполнение представленного образами и смыслами желаемой субъективности. Новизна исследования заключается в первичном рассмотрении события в его соотношении не с субъектом, а с субъективностью, выделение двух ликов события как действия и предстояния, в критике понимания событийного в радикальной теологии и философии постмодерна, а также в рассмотрении события с точки зрения антропологии кенозиса.

Ключевые слова: Событие, Факт, кенозис, неклассическая антропология, традиция, предстояние, земля, субъективность, субъект, невозможность.

Современный мир, системно расчерченный языком, встроенный в машинерию производства-потребления, захваченный однообразием повторяющихся фраз, концептов, явлений в философии постмодерна был поставлен перед лицом несистемного, сингулярного, непредсказуемого события. Кажется, что только в нём последняя надежда двоящегося мира чему-нибудь удивиться.

Главным событием современности считается событие крушения зданий-близнецов в Нью-Йорке 11 сентября 2001 г. В этом завораживающем зрелище словно сбывались чьи-то сокровенные надежды на начало Конца Света, на время подлинного существования, на изменение хода истории. Близнецы пали как символ вечного повторения и возвращения и на их месте зияла открывшаяся пустота смыслов, земля нового мира. Именно к этой новой пустой земле и стремились постмодернистские философы, чтобы там, на обломках системного, обрести собственную субъективность.

По словам одного современного философа и теолога Джона Капюто (John D. Caputo) «постмодернизм – это выращивание событий, продумывание событий, предложение для них укрытия и тихой гавани» [1; с.48]. События нуждаются в сохранении и в них нуждается субъективность, чтобы быть сохраненной. К событию примыкают все

чаяния и надежды, в нем только и может осуществиться единственно живой миф нашей цивилизации – миф об Апокалипсисе. Поэтому его берегут, расчищают для него место в плотной застроенности социального, отгораживают от действий Другого, от неумолимой деконструкции и даже от собственного отчаяния.

Мир застывает, каменеет с силой зловещей непреодолимости, все происходящее в нем, происходит как повтор, как интерпретация (например, ремейк старого фильма, пародия на хорошего актера или юмориста, продолжение или предыстория однажды рассказанного сюжета). Кажется, все значимое уже случилось, осталось заполнять белые пятна, маленькие клеточки отведенного под застройку пространства. Одновременно с этим, мир наводнили сверхсобытия, настолько масштабные, что они уж перестают быть человеческими. Бодрийяр неистовствует: «Мы испорчены так называемыми судьбоносными событиями, событиями сверхзначимыми, этим видом неуместного межконтинентального неистовства, которое затрагивает не отдельные личности, институты, государства, а целые поперечные структуры: секс, деньги, информацию, коммуникации» [2, с. 55]. Мы словно распяты в этих поперечных структурах, повисли на них, как мертвые птицы на проводах, никуда не сдвинуться и везде напряжение.

До случившегося 9/11 С. Жижек писал о забастовке событий. События сгрудились в плотную массу бесконечных и однообразных кадров. В них уже ничего не происходит, они просто есть, становясь плотной и безразличной материей, которую нет смысла ни воспринимать всерьёз, ни анализировать. События обрели форму безликости, их интерпретация перестала быть значимой, поскольку человеческий взгляд уже просто не протискивается в их стройную плотность.

Философы пытаются очистить событие от вторичности, сделать его живым и сингулярным, одухотворить, вместить в каждое мощь озарения ап. Павла Божественным светом на пути из Иерусалима в Дамаск. Они, как уставшие старцы, ждут, что вот-вот с силой неизбежной очевидности откроется безликая, туманная пустота или из события зазвучит, наконец, глас Божий, но... ничего не происходит... ничего, худшее всякой пустоты...

Событие и факт

Слово факт происходит от латинского *factum* – сделанное, свершившееся. Т.е. факт – это некая единица действия. Факт – это то, что случилось по воле (человека, бога или рока) и, следовательно, предполагает наличие причины и следствия. Есть цель, есть действие и есть результат – факт. Факт, таким образом, в своей основе диалектичен. Он несёт в себе сразу три состояния. Состояние, предшествующее факту – данность, само действие и результат этого действия. Смысл, который может быть обретен в факте, есть всегда то, что связано с субъектом. Смысл факта – это полагание цели. Но цель – это только мысль, идея, не соприкоснувшаяся с реальностью. При таком подходе всегда остается некий невысказанный остаток, нечто, всегда неожиданное и непредсказуемое. Этот неприятный остаток состоит в том, что цель и результат никогда не могут совпасть на сто процентов.

Реализация словно всегда сама интерпретирует идеи по-своему. Прежде всего, она связывает цель со средствами, необходимыми для ее осуществления. Понятие средства не имеет заранее очерченных границ. Средствами могут оказаться не только материалы, но и люди, целые культуры, общественные организации и прочее. Если цель, оказывается нереализованной из-за сопротивления средств (будь то забастовка рабочих, собственные нравственные убеждения или просто нехватка), то субъект действия ощущает собственную

неосуществленность, нереализованность, отсутствие смысла.

Сами действия, всегда направлены, по словам Гегеля, на завоевание признания, господства. Признание – это всегда признание целей, если они не признаны, то невозможной оказывается полнота бытия. Само представление о цели предполагает господство, господство цели над средствами, господина над рабом. Факт предполагает господство реализованного над нереализованным. Факт сам оказывается зависимостью человека от организованных и неорганизованных действий, от их бесконечного учета, прослеживания причин, вычисления возможности и невозможности дальнейших действий. Для субъекта оказывается возможным принятие решения только согласно пониманию всего происходящего. Тогда только решение может считаться верным и правильным. Поэтому человеку необходимо стать тотально-ответственным, чтобы процесс жизни мог быть субъективным, историческим, человеческим, а не случайным и роковым. Но такая тотальность осуществима только Абсолютным Духом.

В диалектичности самого процесса жизни решения, т.е. факты никогда не будут по-настоящему нерушимыми, потому как на смену одному непременно придет другой, противоположный, затем наступит что-то третье, и так вновь и вновь по гегелевскому кругу. Спрятаться от тотальной ответственности и можно только в этих кругах. Они образуют собой поле дискурсивного, где человек поддается главным установлениям культуры и социального, в надежде на трансцендентную ценность установленного.

Таким образом, мы выяснили, что фактичность связана с дискурсом. Она непременно встраивается в ту или иную циклическую зависимость. Проявленность дискурсивного и заключена в подчинении ему фактов. Они строго распределяются в соответствии со схемами реализации главного означающего.

Факт сам по себе ничего не может значить, он не имеет, как таковой, даже критериев выделения самого себя из текучей действительности. Рамка факта всегда предлагается дискурсом. Дискурс – это то, что выделяет фактическое на обозрение, делает факт наглядным, видимым. Событие внутри дискурса понимается как всеобщезначимый факт.

Событийное переключивается в дискурсивное. Пример из недавней истории: вторжение американцев в Ирак было спровоцировано заявлениями

о наличии там биологического оружия. В качестве доказательства была предъявлена некая пробирика. Факт-фикция создал возможность для события войны. Но сама война и выставленные на обозрение факты – это часть дискурса, направленного на тотальное господство.

Фактичность знания

Факт – это рационалистическая попытка выделить из континуума исторической действительности простейший элемент. Факт – по сути это грандиозная абстракция, которая строится на основе атомизации исторического процесса, его принципиальной раздробленности. Сам посыл рождения факта как некой значимости исходит из предположения о том, что в качестве некоторой мельчайшей единицы, факт может быть самоочевиден. В науке факт пытаются представить в качестве данности, непосредственности. Но факт ничем не подкреплён и нигде не выявлен, он, скорее, продукт разума, схема реальных процессов. В своей атомической конкретности факт теряет значение. Значение теперь оторвано от явленности события и переключивается в головы интерпретаторов, которых может быть множество, из-за чего знание также индивидуализируется.

Факт, по Витгенштейну, представлявшему весь мир поделённым на атомарные факты, могущие быть выраженными в простых предложениях, есть соединение объектов (вещей, предметов). Причем возможность этого атомарного факта «должна предрешаться уже в предмете» [3]. Свобода и возможность происходящего определена двумя вещами: логикой («мы не можем мыслить ничего нелогического, так как иначе мы должны были бы нелогически мыслить» [3]) и различием (т.е. качеством предмета, которое отличает его от другого: «два объекта одинаковой логической формы – помимо их внешних свойств – различаются только тем, что они различны»). Собственно логика и строится на связи и различии. Так, в мире возможным оказывается только мыслимое («логика трактует каждую возможность, и все возможности суть все факты» [3]). Связь вещей может быть только логичной, а значит предсказуемой, все факты можно заранее просчитать, главное иметь достаточно мощный компьютер. Мир, по Витгенштейну, представляет собой статичную, непостижимую субстанцию, изменчивым в которой может быть только факт, как логическое вы-

явление разнообразия возможных связей вещей. Но логика также статична, только статичное может быть адекватно статичному миру.

Мир Витгенштейна – это мир без движения, где событие как универсальное, событие как удивительное невозможно. Но зато возможна понятная и логичная истина, которую можно высказывать.

Желание сохранить истину как устойчивую позицию, занятую по отношению к миру, и при этом внести в мир произвольное разнообразие сталкиваются с проблемой границы. Граница предполагает, что есть разделение между устойчивым и неустойчивым, между мыслимым и немыслимым. Граница позволяет оставаться устойчивым, удерживая при этом понимание возможности неустойчивого, неопределённого. Но это неопределённое сразу же приобретает черты трансцендентного.

Субъект в западной философии понимается как устойчивая, стабильная точка, которая устраивает вокруг себя мир, действует на него в конкретности объектов этого мира. Он конституируется как определитель возможного и невозможного, в рамках конструированной им логической системы мироустройства. За гранью этого субъекта может находиться только немыслимое, неопределённое, а значит то, что никак не затронуто субъектом, то, что осталось для него недоступным.

Недоступное существует за границей, по ту сторону от доступного, в иноземной стране, где наша логика уже не действительна, а значит, мы ничего там понять не можем. Но субъект не может существовать в условиях границы, он необходимо требует ее преодоления, требует заполнения собой всего мира без остатка. Граница оказывается несвободой субъекта, тем, что делит его на части, потому как немыслимое есть то, к чему только и могут стремиться мысль и желание. Вне поставленной границы желание немыслимо, вне границы, желание оказывается только повторением, возвращением к уже установленному. Трагедия современного субъекта и его желания хорошо выражена С. Жижеком:

«Понять, что субстанция есть субъект» значит понять, что занавес феноменального мира скрывает прежде всего то, что скрывать нечего, а это «ничто» за занавесом и есть субъект» [4, с. 197]. Значит нас нет не только в установленном нами же, но и даже в том, что мы еще и не думали устанавливать. Событие может нас поставить только перед самими собой, перед пустотой своей невозможности.

Невозможным оказывается не только событие чудесное, преобразующее, но даже и самое простое событие.

Это прекрасно показано в целом ряде фильмов Луиса Бюнюэля, в основе которых лежит один и тот же мотив: как говорил сам Бюнюэль – это «необъяснимая невозможность исполнения простого желания». В фильме «Золотой век» мужчина и женщина желают вступить в законный брак, но этому снова и снова мешает какая-нибудь нелепая случайность. В «Попытке преступления Арчибалдо де ла Круза» герой хочет совершить убийство, но все его попытки проваливаются. В «Ангеле-истребителе» после званого ужина герои не могут переступить порог и выйти из дома. В «Скромном обаянии буржуазии» две пары хотят вместе поужинать, но те или иные неожиданно возникающие препятствия постоянно мешают исполниться этому несложному желанию. И наконец, в фильме «Этот смутный объект желания» мы видим женщину, которая, прибегая к всяческим уловкам, снова и снова откладывает окончательное соединение со своим давним любовником.

Что же объединяет все эти фильмы? Некое обычное, заурядное действие становится невозможным, как только оказывается, что оно занимает непостижимое место *das Ding* и становится воплощением возвышенного объекта желания. Этот объект или действие могут быть совершенно банальными (общий ужин, выход из дома). Но стоит только им занять священное/запретное, пустое место в Другом – и они окажутся окружены множеством непреодолимых препятствий; объект или действие в самой своей примитивности станут недостижимыми или невыполнимыми» [4, с. 195].

Недостижимость – это оторванность от всевозможности, от той собственной части, которая формирует образ желаемого. Но чем же определена ограниченность субъекта, как не его желанием удержать собственную позицию?

Если разрушить устойчивость субъекта, его маленькую, отвоеванную у мира истину, оставить его вне всяческого знания и даже понимания своего собственного существования, тогда само новое ощущение жизни станет неиссякаемым событием, непреходящим и вечно значимым.

Граница создается, чтобы укрыться от всевозможности и предстояния. Человек открывает для себя знание, как удержание границы, но знание заставляет человека быть по ту сторону от утерянного рая.

Субъект и истина. А. Бадью

Для Бадью субъект оказывается чрезмерностью животного. Человек – это животное, которое обнаружил в мире нелогичное, столкнулось с абсурдом.

«В объективности... животное, как правило устраивается как сможет. Нужно, следовательно предположить, что ведущее к образованию субъекта имеется сверх того или неожиданно случается в ситуациях как то, чего эти ситуации и обычный способ себя в них вести учесть не в состоянии. Скажем, что субъект, который превышает животное (остающееся, однако, его единственным носителем), требует, чтобы произошло нечто, нечто не исчерпывающееся простым вхождением в «то, что имеет место». Это пополнение мы назовем событием и будем отличать множественно-бытие, в котором речь не заходит об истине (а только о мнениях), от события, которое принуждает нас решиться на новый способ быть» [5].

Человека принудило быть человеком событие. Обезьяне просто ничего другого не оставалось. Она получила статус субъекта из чрезмерности с ней произошедшего. Но эта чрезмерность для того, чтобы быть не тем, что имеет место, уже должна быть увиденна взглядом человека. Для обезьяны самое катастрофическое не выведет её из порядка её собственного существования, в котором даже сама смерть – это порядок. Чрезвычайное может появиться только тогда, когда обыденное, имеющее место вдруг перестает быть обыденным и оказывается удивительным и невозможным. Но это может произойти только как изменение взгляда, как поворот мышления, возможный единственно у нестатичного субъекта, у человека, способного изменять свой взгляд, свои базовые установки.

Субъект, описанный Бадью – это субъект, который возможен только внутри дискурса, субъект, который формируется дискурсом и его истиной. Истиной Бадью называет «оставленный в ситуации материальный след событийного пополнения» [5]. Т.е. истина – это ставшее очевидным различие. «Истина «дырявит» знания, она им чужеродна, но она также и единственный источник новых знаний. Скажем, что истина вынуждает знания» [5] – говорит Бадью. Истина – это то, что становится очевидным в ходе смены дискурса. Но Бадью лишает истину измерения человеческого. Она не обладает взглядом, она оказывается трансцендентна. Истину Бадью сравнивает с озарением, вышедшего из пещеры платоновского человека. Событие ока-

зывается ничему не принадлежащим, лежащим за всякой воспринимаемой гранью.

«Назовем «субъектом» носителя верности, то есть носителя процесса истины. Субъект, следовательно, никоим образом не предшествует процессу. Он абсолютно не существует в ситуации «перед» событием. Можно сказать, что процесс истины индуцирует субъект» [5]. Но, как мы выяснили, этот процесс может быть только дискурсивным процессом. Более того сам дискурсивный процесс и конструирует грань между субъектом и означающим. Силовые линии дискурса, должны быть скрыты от глаз, бессознательно вписаны для того, чтобы субъект мог быть сконструирован как субъект истины. При этом важным оказывается сохранить область таинственного и сакрального движения, происходящего за границами самопознания. Важно это поскольку субъект в дискурсе – это прежде всего тот, кто имеет рычаги власти над всем, что может быть представлено как объект. Тотальная власть предполагает окончательность, законченность человека, его смерть. Поэтому событие оказывается возможностью справиться со смертью в условиях властного удержания себя субъектом.

Для древних греков мир был текучим, в одну воду невозможно было войти два раза, всё менялось и не было смысла останавливать мир. Можно было усмотреть мудрость в его движении и беспокойстве. Человек нового времени нуждается в том, чтобы забить нерушимый кол в основание мира, кол, который может быть назван субъектом. Потому как господство над миром нуждается в нерушимой и понятной истине. В истине, которая позволит создавать из дома крепость, бастион, оплот для завоеваний. Этот мир может быть огражден от всяческих влияний, от непереносимой неизвестности через конструирование места сознания, которое было бы особым взглядом, который не может ничего увидеть, не объективировав, т.е. не открываясь в пространстве собственной всевозможности. Так мир становится подручным, научно – познаваемым. Правда в нем возникает дефицит событий.

Субъект может сохранить себя только как противоположность тому, что происходит, тому, что имеет место в текучем мире. Он и есть конструированная статичность, точка отсчета, ноль. Это область свободная от мира, где субъект становится властителем, сущим в небытии. Встраивая небытие в мир, человек создает различия, границы, в которых и пытается обрести себя как конструирующего собственную действительность.

Концепт истины как истинного представления о действительности, как некоего коррелята, палочки-выручалочки для решения насущных проблем исчерпана. Истина способна существовать только благодаря дискурсу. Она является либо частью самого дискурса, открытием его реальных границ, либо же пустотой дискурса, тем, что дискурс оставил неохваченным, т.е. нетотальным.

Истина как границы дискурса по сути случайна, она не способна быть общезначимой по определению, так как в ее общезначимости скрыта тотальность и тоталитарность. Пустоты, зияющие внутри дискурса, которые жаждут некогда вырвать дискурс наизнанку, также не способны существовать без самой по себе дискурсивной реальности, без исторического процесса, т.е. процесса фактообразования. Схемы оказываются вездесущим присутствием, которое в виде пустоты (т.е. окружающей области) или в виде структурообразования создают человеческую реальность, оставаясь в то же самое время, нечеловеческими. Человеку остается лишь быть верным в своем пути, который в конце концов приводит опять же к абсолютной тотальности, к единству одного и того же. Чужеродное бытие в своей безликой однотонности словно стремится заполнить все пустоты и пространства, где человечество тщетно хочет укрыться, придумывая для этого пустоту субъекта.

Субъект не приписан и не причастен никакому бытию. Небытие влечет человека тем, что в нем он, наконец, становится ничего никому не должным существом. В нём он не дополняет, не разрывает, не спасает и не губит никакую реальность, действительность и бытие. Это его право на равнодушие по отношению ко всему, что вообще может происходить.

Событие по Бадью принуждает нас решиться на новый способ быть. Но не этим ли оно нас приспособляет к своей собственной изменчивости? Событие встает перед нами как древние боги, как мистический рок, который прячется в лакунах познанного, как страшная истина Эдипа, существующая только для того, чтобы в конце концов отправить Эдипа в тусклую яму небытия. Для него событие произошло в тот самый момент, когда он узнал, что был мужем своей собственной матери и убил своего собственного отца. Здесь событием оказывается как раз то, что всегда бежит от знания – травма, непереживаемое в бытии, означенное только через кайму тревоги, покрывающую рябью гладкость поверхности смыслов. Событие

связывается со знанием, с его властным движением по плоти субъективности.

У Бадью событие не требует по сути никакой особенной человечности, оно требует только верности, стойкости, связанной с возможными проявлениями событийного. Субъект, по Бадью, не существует вне истории. Он уже вплетен в сюжет, и имеет подсознательную тьму, о которой он вправе узнавать только в момент события. Узнавание оказывается реальным проявлением событийного. Но знает тот, кто не переживает событие, кто встраивает его в дискурс своей истины.

Можно предположить, что субъект был сконструирован как инструмент субъективности, которая бежала от своей всевозможности к статичности пещеры, где человек может быть безответственным и только собой, ничто.

Сознательный субъект уходит от истины, чтобы выразить себя и свою истинность не в себе как мыслящем. Мыслящий, не в силах принять самого себя. Мыслящему необходимо себя потерять, чтобы уметь находить везде. Для этого существуют метафоры. Выразить себя через небо, землю, значит иметь возможность быть в уходе от себя сознающего, в уходе от прошлых истин и объективаций, от межей значения.

Двуликое событие

По некоторым данным 11 сентября 2001 г. боевые истребители США проводили учения по предотвращению терактов, проводимых методом угона гражданских лайнеров. Когда над территорией США летели самолеты с террористами, лётчики не могли сориентироваться: где учебные мишени, а где настоящие нарушители границ. Таким образом, в роли обманного механизма послужила сама истина. Вам надо обезвредить самолет, который захватили террористы – такова учебная задача, и тут же реально террористы захватывают самолет, и вы обезоружены этой истиной, сбиты с толку. Предупреждение оказывается больше, чем предупреждение, подготовка более, чем подготовка. Здесь событие представляется с избыточностью, где истины куда больше, чем можно было бы ожидать.

Истина здесь оказалась способной быть размноженной во имя события. Вместо одной истины мы получили сразу две. Событие стало двуликим.

Механизм двуликой истины используется в гипнозе. Гипнотизер начинает свою речь с правдивых суждений, используя то, что пациент ему

начинает доверять, он создает другую реальность. В известном эксперименте гипнотизер подносит обычную монетку к руке пациента, внушая ему при этом, что прикоснется раскаленным железом. В итоге на теле пациента образуются волдыри от обычной монетки. Истина раздвоилась, оставив щель для голоса гипнотизера в сознании и следы от ожога на руке.

Событие 9/11 было обрамлено чувством страха, страха перед неизвестным. Это чувство медленно углубляется, и единственной воспринимаемой реальностью становится голос, создающий реальность из этого страха.

Гипнотические состояния предполагают существование самой очевидной реальности – реальности собственного ощущения и создающего образы внешнего голоса. Прекрасная метафора нашего сегодняшнего мира...

Расщепление истины происходит в момент создания двуликого события. Виртуальное и реальное теперь не могут встретиться, они находятся по разные стороны от восприятия. Человек властен жить в том мире, в котором ему хочется жить. Сила гипноза на этом и стоит, чтобы удовлетворить желаниям, открыть возможности свободного парения. Гипноз, открывает древнее желание человека почувствовать себя всемогущим, при этом отдаваясь абсолютно во власть неведомого. Голос этот может быть голосом рока, голосом диктора на телевидении, голосом психоаналитика.

В такой ситуации смысл и оказывается событием, событием, которого не было. Делёз пишет: «смысл и есть «событие», при условии, что событие не смешивается со своим пространственно-временным осуществлением в положении вещей» [6, с. 38]. Событие оторвалось от вещей и стало голосом, близким голосом невидимого субъекта.

Человеку необходимо освободиться от реальности собственных страхов, вынести их во-вне, в пространство, где не предполагается ответственности. Но в таком пространстве нет и свободы. Человек не может воспринять истину как свою собственную, ему нужно завернуться в пространство, свободное от всяких истин, встать на границе между бытием и небытием, войти в темный коридор бессмысленного, где только и возможно совершить самоопределение и построить свой кусочек человеческого мира.

Этим кусочком может быть непоколебимость морального долга. Например, писатель Варлам Шаламов дал себе зарок даже в самых тяжелейших ус-

ловиях колымского лагеря никогда не становится бригадиром, чтобы ни один человек не мог пострадать по его воле.

В человеке может не остаться никаких истин, никаких дискурсов, никаких желаний, только инстинкт. Но при этом можно создать для себя то, что окажется моральным, моральным не потому, что так гипотетически будет легче жить всем людям. Но потому, что так создается событие, в котором ты можешь стать частью, событие, которое творит мир как человеческий.

Радикальная теология о событии

Современные теологи ухватились за концепцию события как за спасательный круг.

Событие оказывается той узкой областью, куда еще возможно влить оставшиеся религиозные силы, уместить потерявшуюся в объективированном мире веру.

Событие для Ваттимо и Капюто – это прежде всего форма нередуцируемости, недеконструированности, тот остаток человеческого, который не может быть вписан в господство субъекта.

«Нередуцируемость – это то, что сопротивляется сжатию в конкретную форму или то, что стремится остаться свободным от конкретного опредмечивания (контейнирования), где оно обнаруживает складированным то, что не может быть опредмечено – именно это мы и понимаем под событием» [1, с. 51-52].

Но то, что выходит из под контроля, само по себе, еще не может быть названо Божественным. Такая теология повисает в воздухе, оказывается лишь неким приложением философии постмодерна к конкретным реалиям христианской общины.

«В постмодернистской теологии то, что с нами происходит и есть событие, которое нашло себе пристанище в имени Божиим, именно поэтому мы хотим разработать, культивировать ресурсы, возможности, скрытые в этом имени, чтобы напитать и укрыть их и позволить самим напитаться от их силы...» [1, с. 50].

Главное слово – это пристанище. Вера, хранящаяся в символических объектах (в имени Божиим), стремится наделить своим смыслом то, что не занято субъектом. Но тем самым вновь очевидной становится непреодолимая граница между субъектом и Богом. Эта граница конструирует отношения возможные между двумя субстанциями. И это

отношение может быть либо подчинением, либо борьбой. И Бог оказывается единолично в ответе за все, что происходит.

«... определяющим в постмодернистской теологии является то, что доличностное, дочеловеческое поле взято, чтобы быть домом божественного, священной поверхностью, которая расчерчена божественными нитями силы или горящая божественными импульсами или вызовами божественных повелений» [1, с. 51].

Но при таком подходе недалеко оказывается до оправдания страданий, как божественного участия в судьбе человеке. По этому пути долго шли русские философы. На Западе страдать не хотели и пошли по пути стирания следов рационального означивания, следов субъекта с путей существования.

Первым на этом пути стирается непосредственность отношения субъекта к своим желаниям. «Поскольку желание должно иметь дело с событием, мы не знаем того, что мы хотим, но именно это незнание и позволяет желанию оставаться живым. Если событие будет истощено существованием, будучи исполнено, оно будет истреблено светом знания» [1, с. 57].

Вторым стиранием оказывается автор, который теологи ассоциируют с Богом. «Событие обращение, происходящее в имени Божиим, стоит на своем, взывает нас к себе, назван или нет при этом взывающий Богом, он является автором этого обращения, в этом случае смерть автора, а здесь – это смерть Бога, будет условием для слышания самого обращения. В желании Бога, не Бог, а событие раскрывается как недеконструируемое, оно всегда позволит желанию принять разные формы, найти разные формулировки сейчас и в будущем» [1, с. 70].

Третьим оказывается субъект. Фуко целиком редуцирует его функции. Но эта редукция не открыла никакого нового измерения, взгляда, ничего не сообщила о человеке. Скорее замкнула все познаваемое на границе, которая предстала в виде бесконечной расчерченной линиями смысла плоскости.

Процесс редукции теологи называют кенотическим. В этом процессе смерть Бога рассматривается как уход от идеологии господства и переход к новому пониманию христианства исключительно как религии любви и милосердия в самом общем смысле этого слова. Смерть Бога явилась смертью субъекта Бога, который по-

мещал в себе всю статичность вечно-бегущего мира. Он сохранял все достояния культуры, был подлинно автором, творцом миропорядка. Но при этом уход от дискурсивного воспринимался как уход от божественного. В радикальной теологии происходит попытка уйти от предметного, дискурсивного мышления, мышления как господства. Для этого используется концепция смерти Бога. Смерти, которая стирает след участия в мире его Автора, смерть, которая открывает возможность для человека свободно предстать перед совершающимся в мире, отдаться его силам, вслушаться в его голос.

Но в то же время радикальная теология во многом остается весьма консервативной, поскольку пытается увидеть событие непременно как независимую данность, но на деле невозможно увидеть ни одного события, которое было бы совершенно независимым от человеческого желания или уже построенного социального и культурного дискурсов. Таких событий просто нет. А если бы и были, они целиком снимали бы ответственность за их совершение с человека. Единственное, что остается радикальным теологам это оставить все под покровами бессознательного, поглубже закопать там все божественное, чтобы встраивать туда символическое (имя Божие) снова как означающее. Мертвый или живой Бог стремится занять место главного означающего, точку статичной истины, которая возможна как истина только если она подтверждает свою власть. «Требования, которые и представляют собой событие, зависят от нашего ответа на них, их осознания и реализации, сделать их сбывшимися. Значит – сделать сбывшимся Бога» [1, с. 64].

Так, Бог оказывается у радикальных теологов бессильным, а человек рабом бессознательного.

В нашем понимании кенозис есть движение, поворачивающее от статичности господствующего субъекта (будь то Бог или человек) к восприятию субъекта только как вспомогательной конструкции для операционного, опредмечивающего мышления. Человек может понять Бога только как Богочеловека. Сам человек также не должен отказываться от идеи собственной божественности, которая выражена в христианстве. Внутри этой идеи и заключено понимание субъективности человека как всевозможного. Кенозис – это путь человека к собственной всевозможности, уход от субъекта к субъективности, встреча с событием как с возрождением всевозможного.

Событие и традиция

При внимательном рассмотрении легко можно убедиться в том, что факт и событие – совершенно разные понятия и явления. Фактическое долгое время являлось центром западного научного мировоззрения. Традиционные общества соотнесены с изначальностью события, где фактическое может играть лишь очень второстепенную роль.

Событие, если идти вслед за употреблением русского слова, есть, прежде всего, то, что получило возможность быть, быть в быту, в бытности (т.е. в истории). Со-бытие представляет собой нечто причастное целостному и значимому. И само оно значимо, поскольку вписано в то, что является знаковым. Таковы традиции, нравы, уклад. Знаменательное событие на Руси – это например свадьба или похороны, война или рождение ребенка. В этих событиях, в современном понимании, нет ничего принципиально нового. Более того, для человека традиционного общества, вступление в новую фазу жизни было строго регламентировано. Каждое событие сопровождалось целым рядом обрядов и ритуалов, которые не менялись веками. Они, кажется, и встраивали все в статическую дискурсивность традиционной культуры. Но, если приглядеться, то в традиционных обществах все не так. Традиция направлена именно на то, чтобы сохранить сакральную новизну события. Событие никогда не остается наедине со своей временностью, причинно-следственной зависимостью, оно встраивается в мир мифологических, сакральных событий, которые происходят всегда, а потому они всегда свежи. Традиционное событие это всегда воспоминание, обновление и возможность вхождения в новый аспект мифологической реальности.

Событие возможно только в контексте несобытийного, в контексте вечного. Несобытийное – это то, что не имеет значимости в плане дискурсивного. Но именно в событии свое собственное, индивидуальное становится в отношении с вечным, божественным. Таким образом, событие – это соучастие с божественным. Тотальность в событии присутствует не на стороне цикличности и дискурса, а на стороне значимости как предстояния.

Событие – это то, что становится бытом, то, что напоминает об истончении ткани человеческого и ее восстановлении. Бытие оказывается вовсе не тотально-заполненным, оно лишь управляемая плоть жизни, которая в случае постоянного повторения изнашивается, рвется.

Событие как вхождение в целостность, есть мера, раскрывающая то, что было отмерено, предполагалось взрослением, оно высвечивает забытое и оставленное в пренебрежении (событие покаяния). Пренебречь бытом, значит пренебречь бытностью, сакральным. Кто забыл завет (со-бытие), тот получает ответ в виде события.

Событие татаро-монгольского нашествия на Русь, было событием, возвещавшим о возврате к первоначальному, христианскому завету любви между братьями. Но возвращение никогда не бывает повторением. Скорее оно рождает расширение, обновление традиционного. В XIV в. мы видим обновление русской жизни: расцвет монастырей, появление выдающихся личностей Андрея Рублева, Сергия Радонежского и др.

Традиция начинается и заканчивается в культе. Событие в традиционном обществе не мыслится как результат целесообразного действия. Событие вообще никак не сопряжено с изменчивыми целями, поскольку оно творится всегда, вечно происходит. В культе каждый раз восстанавливается вечно-живое событие, в котором нет переживающего и переживаемого, а есть свершающееся, которое всегда ново, ибо воспроизводит сотворение мира.

Но культ есть вечное повторение одного и того же. Как же в нем не замирает жизнь? Преодоление повторяемости в культе совершается за счет жертвоприношения, в котором старый бог обретает новую плоть, мир обновляется и никогда не теряет своей силы, но этому обновлению предшествует убийство. Убийство совершается потому, что человек может утвердить реальность символического только после убийства реального.

«...чтобы утвердить символическую необходимость императорского титула «цезарь» – Цезарь должен был умереть как конкретный человек из плоти и крови, и именно потому, что необходимость, о которой идет речь, именно символическая необходимость» [4, с. 33].

Реальный Бог должен быть убит, чтобы его вечность смогла стать неувядающим символом. Он должен умереть, чтобы его снова смогли увидеть младенцем. Его плоть должна быть съедена, для того, чтобы она реально могла жить в членах общины.

Традиция не отрывает переживание события от самого события. Событие – это не картинка без голоса, это голос без представимого, это смерть без криков, молитвы перед мертвым богом с просьбой о событийном оживлении. Ведь только в мертвом и может воскресать все повторяющееся.

Земля как вместилище вневременного события

Человеку необходимо не-бытие для того, чтобы понять кто он на самом деле, чтобы не иметь перед глазами очерченных ареалов, проторенных путей, чтобы зарыться поглубже в свою пещеру и там начать рисовать. Рисовать то, что видел снаружи, но это наружное уже совсем не наружное, оно стало внутренним, человеческим, сугубо человеческим.

Человек прячется от события, от его определяющей мощи, оно не способно указать на него самого, оно всегда встроено в систему, какими бы субъективными пустотами она не обладала. Спрятаться от бытия – вот суть человеческого, от страха и от всего определяющего, спрятаться в темную пещеру, где нет идей, которым ты должен следовать, ни мнений, где вообще нет ничего. Есть только одна дышащая холодная утроба, влажное пространство, которое напоминает разверзшуюся внутри человека пропасть для него самого, место абсолютной свободы.

Земля словно произвольно рождает такие пейзажи и такие объекты, которые как близнецы повторяют психологические туманности человеческого бытия. Людей психически больных часто выводят из ступора именно таким образом. Начинают повторять все их движения. Так и только так возможно наладить коммуникацию. Земля предлагает нам все возможности для выхода из ступора. Все возможности человеку объективировать свои образы, разбрасывать их значениями по земле и делать с этими значениями все что угодно. Зеркальность составляет основу выхода за пределы внутреннего хаоса. Смыслы контейнируются и могут быть использованы в качестве вещей. Само человеческое остается при этом свободным вернуться к первоначальному, уйти в пещеру, перестать пользоваться уже-определенным, чтобы вновь открывать себя. Его телесное и духовное встречаются вместе в пещере, в материнском лоне, которое снова единственная точка опоры для вечно умирающего и воскресающего человека. Древнейшие памятники говорят о восприятии человеком земли как материнской утробы, в которую человек возвращается после смерти. То, где человек родился, где осуществилось его первое самовыражение, было выплеском желаний в землю, в землю, которая оказала ему любезность быть для него всем.

В Земле удобно запечатлевается образ матери. Он хранится в ней как вечный, неисчезающий. Поэтому земля и была надеждой людей на воскресение.

Если она так близка к материнскому, то как дающая жизнь, она может и сохранить некогда умершего до момента нового рождения. Если земля столь человечка, что дает все образы для его самоопределения, то она ему мать. Если все человеческое способно в ней отразиться, значит – она хранительница этого человеческого, его бессмертия.

Дискурс на земле – есть межевание. Геометрия, в которой уже действует связывающее знание, знание, которое стремится к тоталитарности. Дискурс это геометрия, в которой проявляет себя сознание, стремящееся к тоталитарности, к исключению всеобъемлемости земли, ее всеобщности. Дискурс создает различия, утверждает невозможности как всеобщее, устраивает жизнь в границах. Земля позволяет человеку быть свободным в своем опреде-

лении того, что существует. В нем всегда есть место чистой фантазии.

Событие открылось пред нами в двух ликах: в виде недоступного трансцендентного голоса, которому хочется вверить свою субъективность, чтобы испытать реальность другого и в виде незакончивающегося события боговоплощения, которое всегда-неисчерпаемо и всегда-доступно. Первое связано с границей и трансцендентным, второе с культом и обновлением. Пустота для первого – есть возможность собственного существования при бессмысленности мира, пещера второго – это утроба надежды на причастность к всегда-повторяемому, но неповторимому событию.

И то и другое – укрытие, пристанище субъективности.

Список литературы:

1. John D. Caputo, Gianni Vattimo *After the Death of God*. New York, 2007.
2. Бодрийяр Жан. *Прозрачность зла*. М., 2009.
3. Витгенштейн Л. *Логико-философский трактат*. (<http://philosophy.ru/library/witt/01/01.html>).
4. Жижек С. *Возвышенный объект идеологии*. М., 1999.
5. Бадью А. *Этика. Очерк о сознании зла*. (<http://www.litmir.net/bd/?b=145790>).
6. Делёз Ж. *Логика смысла*. М., 1995.
7. Доброхотов А.Л. *Проблема я как культурологический сюжет: коллизии позднего просвещения и контрпросвещения // Философия и культура*. 2011. № 8. С. 82-91.
8. Глинчикова Е.В. *Бытие и субъективность // Психолог*. 2014. № 6. С. 74-107. (DOI: 10.7256/2306-0425.2014.6.13589. URL: http://www.e-notabene.ru/psp/article_13589.html).

References (transliteration):

1. John D. Caputo, Gianni Vattimo *After the Death of God*. New York, 2007.
2. Bodriiyar Zhan *Prozrachnost' zla*. M., 2009.
3. Vitgenshtein L. *Logiko-filosofskii traktat*. (<http://philosophy.ru/library/witt/01/01.html>).
4. Zhizhek S. *Vozvyshennyy ob"ekt ideologii*. M., 1999.
5. Bad'yu A. *Etika. Ocherk o soznanii zla*. (<http://www.litmir.net/bd/?b=145790>).
6. Delez Zh. *Logika smysla*. M., 1995.
7. Dobrokhotoy A.L. *Problema ya kak kul'turologicheskii syuzhet: kollizii pozdnego prosveshcheniya i kontrprosveshcheniya // Filosofiya i kul'tura*. 2011. № 8. S. 82-91.
8. Glinchikova E.V. *Bytie i sub"ektivnost' // Psikholog*. 2014. № 6. S. 74-107. (DOI: 10.7256/2306-0425.2014.6.13589. URL: http://www.e-notabene.ru/psp/article_13589.html).